

ЛИСЯ НАЗАРОВА

ПРАВАМИ НЕ ЛЕЧИТСЯ

12+

Лисса Назарова

Травами Не Лечится

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42643890

SelfPub; 2019

Аннотация

Новелла призвана разбудить вкусовые пристрастия вашей души благодаря сочетанию следующих волшебных ингредиентов. Мы добавили немного интриги, щепотку сказочных сюжетов, пару граммов загадочности и котелок эмоций. Это рассказ о чувственной ведьме, нежном принце и неуловимом тумане. Лесная флора, зелья от хандры и ритуалы танцев прилагаются. Чары сказки оставят приятное и терпкое послевкусие, а также желание погрузиться в них ещё раз. Самое время окунуться в мир фантастических словосплетений. Добро пожаловать на тёмную сторону!

Содержание

I	4
II	9
III	14
Эпилог	22

I

Once upon a dream в королевстве Рофляндия на Званом Балу встретились два человека разных возрастов, взглядов, кругов общения и столетий. Случайно встретились. Когда один человек был совсем юн, а второй умудрен никому не нужным жизненным опытом и отсутствием опыта дел чувственных. Они друг друга заметили. Он заметил, как она на дух не переносит остальных, а она заметила, как он все понимает, просто глядя по сторонам. Годы проходили, стрелки бежали, часы неторопливо шагали, пока он писал ей с наивным интересом, а она отвечала ему между делом, с улыбкой и усталостью.

И случилось так, что попала она под темные чары, которые окутали ее и не позволяли ей чувствовать счастье. Тем временем, за тридевять земель ее принц, под руку с которым она покидала каждый Бал, доблестно служил, не веря в эти темные чары. Он считал их сказкой, которой пичкают детей и глуповатых взрослых. Вот и приходилось ей полагаться на дополнительные химические вещества, создающие «мостики» между ее нейронами. И в целях восстановления жизненных сил она отправляется из города в далекий Дом. Там, где леса обнимают как старую подругу, делятся мятой и иванчаем, где стены обладают душой, печь неустанно греет покои и души обитателей Дома, а звуки природы из распахнутого

настежь окна пробуждают рыжее колдовское пламя внутри. Из-за темного заклятия ее не замечали, потому никто не в силах был ей помочь. Так она думала, сидя в дымном городе в одной из многочисленных одноцветных цитаделей и подкармливая хлебом единственных живых существ, связывающих ее с лесом – голубей. Одноцветный город, тонущий в запахе и отходах заводского производства, медленно пытался заставить нашу ведьму мимикрировать под его настроение и цвет. Решившись, намешала она в котелке проявляющую эмульсию, краску, и мгновенно стала рыжей. То ли она боролась с городом внутри себя, то ли боролась сама с собой, бесцельно существуя в стенах этого города.

Старый экипаж привозит ее прямо в сердце Дома. Она вдыхает теплый запах трав, болтовню листвы и саму Жизнь. Но как только заходит она в дом, в тень, музыка смолкает, деревья обратно втягивают свои могучие руки и, вот, туманова очередь брать ее к себе. Он окутывает, но не полностью. Теперь пламя души ее тлеет в огненно-струящихся кудрях. Черный блестящий дым кутает, а пламенные кудри вздымаются. В ночи она словно песчаная буря без песка носится по покоям, открывает все свои бутылки, склянки и пробует все по очереди, чтобы разогнать туман. Но он лишь светлеет в лучах восходящего солнца, проникающего в стеклянную-престеклянную комнату, обитую деревом. И тогда ведьма забывается шатким, горьким балансированием между сном и непривлекательной явью, когда в глотке пересыха-

ет, мышцы не слушаются, а стоны разгуливают по ее кровати, будто непрощенный гость трудится над ее удовольствием, расплачиваясь за оказанную колдовскую услугу. Но ее принц странствует от битвы к лагерю, а в перерывах празднично проводит время, приговаривая:

«Моя милая, это все у тебя в голове. Успокойся и приведи себя в порядок».

Каждый день она раздражает еще кого-нибудь, помимо него, и уже не надеется слезть с результатов городских исследований – нейроблокаторов. Сидя в теплом одеяле между стопками пыльных книг и под пучками мяты, перетянутыми через всю комнату, она ждет. Весточки от принца с его признанием существования ее проблемы, отступления дыма *in postem* или лучших времен.

Временами ведьма гуляет, но все не с теми. Каждый такой вечер она торопится домой, хоть и понимает – там туман. Но лучше торопиться в знакомую тьму, чем безуспешно постигать наигранный свет.

Однажды она расчесала пламя, обвела глаза самым неприглядным цветом, для приличия взяла верное ей существо на поводке и облачилась в тонкую кофточку, заведомо зная, что вечером будет холодно. Но она знала природный холод, и он был приятнее холода, исходившего от кипы поверхностных словоплетений принца о высоких чувствах, завязанных на плотских радостях жизни. И на просторах Дома она снова, в который раз, встретила того, кто понимал, просто глядя

по сторонам. Он глядел, замечал, внимал. Помимо изменившейся верхней оболочки, он увидел песчаную бурю без песка и исцарапанные сухие кудри, пахнувшие лесом. Но не сказал об этом. А просто взял на руки существо на поводке и проводил их до дома, все продолжая веселить ее по дороге. Иногда она смеялась так, будто добавляла жабыю жопку в эликсир для потенции. А иногда так заливалась, что будила всех собак и леших, в обнимку прикорнувших на илистом боку болота. Если прислушаться, то между хлюпаньем сырых мхов можно услышать едва слышное ворчанье.

Тот вечер она помнила долго, но стала забывать. Потому что их становилось все больше.

А он просто вытянул ее за руку из тумана всего лишь на несколько секунд, но так, чтобы она увидела небо в звездах, ощутила взбитые с полуденной жарой сумерки, и услышала его низкий не по векам голос:

«Ты переметнулась на темную сторону, но я не сказал, что меня это волнует. И мне нравится рыжий».

Их разделяла изгородь. Ее сила отодвинула туман, оставила бурю и сделала эту изгородь лишь проекцией психологической защиты. Она взяла его за щетинистый подбородок и скрепила их общую историю (сама не зная об этом) легким прикосновением сухих губ к колкой щеке.

Они неловко попрощались. Потому что такая магия оставляет следы. Шатающейся походкой он покидал ее владения. А изгородь вдруг стала живой. Молодая листва по-

ползла по пятам рыжего пламени, разгоравшегося в эпицентре туманности. Только туманность не Андромеды, а дрожащих рыжих локонов в зеленом платье, кожаной куртке и белых кедах.

II

Прошли года. Принц вернулся, а ведьма снова мечется от стены к стене. Благо стен во дворце хватает на целый век ее метаний. Принц все так же весел, нежен и угождает всем ее прихотям. Будь то мясо с кровью, салат с авокадо, карта реального Несуществующего мира или секс. Но ей мало. Ведь они говорят на разных языках. Но он любит. И она любит. А потому снова мечется, пока он не видит. В ночи ведьма получает необъятную силу и, выскальзывая из спальни, летит по длинным золоченым лунным светом коридорам.

Она знает, что сон лучше полуночных прогулок, но никогда не уснет, если мысли циркулируют по всему телу. Знает, что новое красное платье сделает ее счастливее, но... разве один вечер это долго? Она вертится перед зеркалом, проводя холодными ладонями по несовершенным изгибам тела – она себе нравится. Но когда она позволяет платью соскользнуть вниз к щиколоткам, мысли ее не уходят вместе с красными лоскутами. Она вздыхает и не видит смысла примерять еще. А принц, воодушевившись картинками глянцевых красавиц из заморских королевств, зовет ее за новыми короткими платьицами, но она капризничает и вместо них просит детально вырисованную карту его земель.

Каждая такая ночь дает ей силу. Но только ведьма решает, какова ее сила: разрушительна или самоуничтожительна. Се-

годня же ноги неустанно закручивают ее в смерче, ей трудно дышать, она стягивает длинное платье, руки хватаются за кисти, книгу или хлебопечение с длительным замешиванием теста. Она обязательно бросает туда клюкву и яблоки. Сидя на каменном полу, нагая, в неестественной позе, держит холодный чан с пряным тестом между бедер. Редким случаем принц просыпается и бредет искать ее по всему комфортабельному замку. И вот он отворяет дверь на кухню и пытается разглядеть зеленый малахит ее глаз сквозь легкий дым печи. Пахнет подгоревшей корочкой и печеными яблоками.

«Идем спать. Ты не выспишься».

Она мотает головой.

«Ладно, я понял. Только не говори потом, что постоянно болеешь. Ты никогда меня не слушаешь».

Она закипает, встает в позу кошки – она хочет защитить себя. Но вспоминает, что каждый раз это заканчивается только битыми котлами. Он упрям, она уперта. Вместо того чтобы разбить все стекла и смять котлы во дворце своим криком, ведьма поднимает глаза и говорит принцу:

«Я хочу мятного чая».

Он смягчается и готовит для нее чай. Они молчат. Их тишину может нарушить только гулянка в Королевстве, ее вздохи-стоны или болтовня в приступе Радостной лихорадки.

Они выбирают иное.

Утром принц помогает ей загрузить с собой все самое

необходимое. Они приняли Пакт о временном расторжении мира. Поднимается дикий ветер. Это может означать только одно – ведьма возвращается Домой.

Тот, кто понимал, глядя по сторонам, выглянул в окно. Ветер сходил с ума, деревья скрипели о помиловании.

«Она здесь. Дома. И она не в духе».

Он идет по вытоптанной им же тропе и выстраивает план, как усмирить ветер и песчаную бурю. Откуда вообще взялся песок в лесу?!

Она распахнула перед ним дверь.

«Я знаю как успокоить бурю», – выдохнул он и, расхраб- рившись, ступил еще на шаг вперед, раскинув руки. К нему подлетел маленький рыжий ураган. Ветер начал стихать, а буря собрала весь свой песчаный беспорядок, подобрала юбки и гордо удалилась. Рыжие кудри снова пахли полуденным сырым лесом. Теперь их можно пустить к себе. Ведь одержи- мость – сила невыясненной природы. Кто знает, сколько Он выдержит? Ее энтузиазм, желание, увлеченность, какой бы ужасающей она ни была, – имеют разрушительные послед- ствия.

Ведьма долго решала. И решила повиноваться себе и При- роде. Столько метаться, чтобы отказаться в ущерб себе? Или потерять то, что смиряет ее и держит на плаву? В попытках понять, кто она, ведьма мнет не одно старое бордовое по- крывало, выпивает не один чан с успокаивающими травами, меняет свою внешность по настроению. Хотя, и оно кажет-

ся прескверным. И она решается поддаться потоку, что вынесет ее на твердую землю. Но отчего рыдания душат по ночам? Нельзя решить, кем нужно дышать. Извечный вопрос во тьме: нужно или хочу?

Ведьма лихо отплясывает по ночам, а днем возвращается мыслями к Королевству. Как оно там без нее. Грустит ли? Вполне самодостаточно оно, да только сквозь дороги, километры, чувствует ведьма, как Оно смотрит и ищет глазами ЕЕ. Но его внимание рассеяно. Она столько лет знает принца, что понимает, он сумеет занять себя. И с этими мыслями почти каждую ночь она повторяет Ритуал Танцев, старается надышаться, но и здесь ей тоже мало! А принц, возможно, выстраивает вокруг Королевства Антиведьмовской лабиринт. Он дает ей больше времени на раздумья. Даже если ведьма импульсивно пожелает вернуться в Королевство, сметая все на своем пути, ей придется пройти через лабиринт. А за это время она может снова передумать. Как принц может так знать ее, но не понимать? Трон подле него пуст, холоден и желает, чтобы его оседлали. Принц тоже. А ей все мало. И Королевства, и времени, и Ритуала Танцев, и надышаться. Но ведьма Дома. Тут ей никто не указ, даже она сама. И вот к вечеру ее сознание снова мутится, внимание рассеяно для всего остального мира, но сфокусировано там, где она решает ему быть. Там, где лечат без нотаций, без ответов на незадаанные вопросы.

Возвращаясь домой под сенью рассвета, ведьма впервые

не может сосчитать сколько же часов Неистекаемого Времени она пробыла в Ритуалах и лечении. А по мере ее выздоровления, тот огонь, что поддерживал ее, медленно начинает становиться тенью. Его шаги все дальше, все тише. Колкий подбородок смотрит в другую сторону. На дорогу. Может, огонь требуется еще одной ведьме? Или Он чувствует, что способен поделиться этим огнем еще с кем-то. Тогда главный вопрос снова встал перед ведьмой. Кто же Он? Так сильно понимает ее. Знает, что сказать. Видит, что ей нужно. И лечит, конечно же.

«Кто же ты, милый друг? И где ты теперь?» – тихо вопрошает ведьма. Послушный ветер разносит ее шепот по миру, но не находит адресата.

Она ждет. А ответа по прежнему нет, и потому крепко-накрепко захлопывает ставни, закрывает все двери сначала на цепь, затем на чугунный замок и запечатывает их словами. Наивная ведьма, подарила возможность обмануть себя.

III

Ведьма скучает. Она бродит по дому, играет с домашними зверьками, иногда сопровождает брата, если он спросит. Теперь ее покои находятся рядом с домашними, она больше не прячется в деревянно-стеклянной комнате с мятой и книгами. Свито гнездышко в углу самой первой к выходу комнаты. Само собой, чтобы не будить остальных своими скитаниями по Дому, если таковые случаются. Раньше рядом с ней росли только кактусы, а сейчас к ее кровати склонились налитые соком листья алоэ. Это ли не знак исцеления? Невдомек ведьме, что то проклятие было лишь проекцией ее страхов и психосоматических признаков. Когда же она избавилась от тумана, начала терять связь с Ним, тем, кто уже не просто понимает, глядя по сторонам, а еще и дает советы. Началось непонятное ей восстановление, которое могло покалечить ее снова. Голова прояснилась, чего не случалось уже давно. И на смену страхам пришло нежелание одиночества. Стоило ей отказаться от мужчин, она почувствовала до ужасного горькую свободу. Оказываются, ее вдохновителями были и будут мужчины. Существа странные, но сильные, способные метнуть колун прямо в дерево, чтобы он как следует рассек туловище древа, и тут же подхватить хохочущую ведьму на руки вместе с котлом и толсто-пахнущей связкой иван-чая.

Предавшись воспоминаниям, она понимает, что нужно

делать. Она бежит на ближайший рынок за особым горячим хлебом, влетает в Дом, кипятит родниковую воду, бросает туда крупные черные листья чая, терпкой вишни и, наконец, лезет в погреб, чтобы достать баночку соленых рыжиков.

В дверь стучат.

«Мамуля!» – кричит ведьма и обнимает блондинку в очках с малиновыми, как рассвет в августе, стеклами. Волосы в длинном блондинистом хвосте касаются поясницы. На бедрах длинная черная юбка с неприлично долгим разрезом. Юбка, которую мерила юная ведьма, когда Матери не было дома. Стрелки на голубых глазах делают ее взгляд еще теплее, чем всегда. Ведьма старалась копировать Мать, ведь каждая приличная дочь восхищается Матерью. Но стрелки – это удел высших опытных ведьм.

«Ты меня звала?» – спросила та.

Ведьма суетилась вокруг Матери. Четыре ложки сахара с горкой на маленькую чашечку чая, рыжики плотно закрывают всю площадь половинки горячего остывающего хлеба. Ведьма вытащила маленький полосатый грибочек из банки и положила в рот. Она сморщилась, закашлялась.

«Они же утопают в соли. Как же она их ест. Еще и с таким приторным чаем», – ведьма посмотрела на Мать. Та хитро улыбнулась и откусила кусок хлеба, от удовольствия прикрыв глаза.

«Совушка моя, почему ты боишься остаться одна? Огня жизни в тебе хватает на двоих, поверь мне. Конечно, ко-

гда-нибудь ты подаришь огонь частичке себя, но пока ты не научишься любить себя, Природа и Вселенная не наградят тебя тем, что получила я», – ведьма услышала у себя в голове голос Матери и почувствовала теплое бестелесное прикосновение к животу.

«Я так не умею. Ты сильна с юности, а мне всегда нужен был кто-то еще. Чтобы гореть кем-то, чем-то...», – начала было ведьма, но Мать тряхнула волосами.

«Ты сейчас не понимаешь, что делать и что тебе нужно. Я знаю. Тебя стопорит отсутствие рядом мужчины, так? С кем бы ты ни была, вы окружали друг друга любовью и заботой, я уверена. Но теперь все изменилось. Проводник тебе не нужен. Ты – хозяйка дороги. Так окутай заботой и всепоглощающей любовью только себя. Обрушь на себя все силы Любви. Получай удовольствие от мелких проказ и шалостей. Они благотворно влияют на самочувствие и кожу».

«И это помогло пережить те чувства, что обуревали тебя?» – с надеждой в голосе спросила ведьма. Мать молча встала из-за стола, достала подводку для глаз, сняла очки и сделала черные стрелки еще угольнее. Затем подмахнула ресницы синей тушью.

«Сегодня меня встречает Он. Представляешь мы снова вместе. И я даже знаю сколько времени мы протянем. Недолго», – Мать весело подмигнула ведьме. Да, если Мать не хотела отвечать на вопрос, она не ответит. В случае, если она считает вопрос глупым.

«Мамуля, а ты...», – робко начала ведьма.

«Уже взяла ножницы, садись поровнее», – улыбнулась Мать и обрезала рыжие локоны ведьмы.

Затем она близко-близко наклонилась к лицу дочери.

«Милое мое болотное чучелко, выбор только за нами. Я сделала свой, ты сделаешь свой. Только я умею любить себя настолько, насколько должна любить себя женщина. Поэтому я ушла от твоего отца. А потом от другого мужчины. А позже рассталась с Ним. И возвращаться – это мой выбор, потому что я знаю, что смогу покинуть Его, когда мне взбредет в голову. Но я видела как ты лезла на стены и больше не желаю быть свидетелем твоих стенаний. Я – Мать, и я хочу видеть своего ребенка счастливой ведьмой. Так что, побудь одна. Сестрицы тебя заждались», – Мать обняла ведьму и расцеловала ее три раза в щеки.

Какая хорошая Мать оставит ребенка не целованным? Пусть даже если ребенку несколько веков. Она махнула водопадом из чистой платины и пошла на свидание с Тем, с кем у нее ничего не получается. Но это ее выбор.

Весь Дом гудит. Ветер суетливо гоняет серые облака кругом по небу, но не разрешает им поливаться дождем. Ведьма собирает вещи. Она возвращается в дымный город из одноцветных высоких цитаделей. Как бы ей ни было хорошо здесь, Дома, она решает оборвать то, что волнует ее больше, чем она сама. Там она будет учиться любить себя и когда-нибудь вернется сюда, чтобы отпраздновать триумф. Она вы-

шла на улицу. Вдохнула напоследок запах трав и мягкой воды, от которой ее волосы превращались в святой ореол из непослушных кудрей. Впитала кожей звуки леса. Ее потянет.

...утро между тремя и четырьмя часами. *Holy hour* или *Witching hour*. Пока город начинает обзаводиться жителями с огненной водой внутри, она пишет по ночам, рисует после полуночи. А вечером притворяется, что она просто человек. Днем она просыпается и, лежа в кровати нагой, пытается узнать, что творится в каждом уголке Вселенной, говорящей на дохулионе других языков. Что изменилось пока она спала?

«Получай удовольствие от мелких проказ и шалостей».

Она снова в полусне скидывает с себя всю одежду, чтобы как можно ближе быть к простыне. Чувствовать как одеяло накрывает ее сзади, ласкает бедра. И она ему это позволяет. Это творится каждую ночь под куполом дымного темного, но живого города. Кровать – молчаливый посредник, но и у нее есть голос. На ней творится таинство желаний, и потому она невольный участник действий, если принимать скрипы за стоны. Хотя эта кровать уже некоторое время не выполняет функцию посредничества. Она тяжелеет лишь от усталого тела ведьмы. Но сейчас на кровати обязанность интимнее, чем секс: быть подспорьем и выслушивать все мольбы ведьмы (О, да, ведьмы молятся по своему). Волосы которой уже темнее, чем палисандр, и короче, чем у всех ее сестер. Локоны уже не пахнут листвой, а малахит ее глаз заметить

стало сложнее.

Ей осталось понять, что научиться быть одной – самое тайное и искусное искусство, которое хранится за семью из семидесяти семи печатных печатей. Искусство, что она еще не познала. И тысячи ведьм согласятся.

* * *

Осталось добавить совсем чуть-чуть. Ведьма запускает руку в миску и берет горсть черешен с косточками, бросает их в кипящий котел и слизывает струящийся терпкий сок с изящных пальчиков. Затем хватает за горло (нет, не человека) бутылочку красного вина и выливает туда ровно половину и не пинтой меньше. А теперь самое любимое: отмеряет столько специй и трав, сколько вмещает пухлая ладошка годовалого малыша. И вот розмарин и тмин медленно летят под действием силы притяжения прямоком в середину котла, безобразно расплываясь по краям. О! Она же совсем забыла про персики! Где же они?

«Черт, черт, поиграй да отдай!» – повторяет она в голове три раза и поворачивается лицом к облупившемуся буфету. Даже у ведьмы не может сохраняться вечно то, что имеет тенденцию пропадать. Она присаживается на корточки к ящику под скрипучим ворчащим буфетом и вздыхает. Персики испорчены, вот черт.

К двери подходят. То были сестры Пламя, Хищность и

Мудрость.

«Ах, как прекрасненько пахнет», – мягко тянет Пламя из лоскутов шифона, подлетев к котлу.

«Ты снова варишь Поворот Судьбы?» – с подозрением спрашивает Хищность, махнув черными тяжелыми волосами.

«Сдается мне, что это лучше, чем зелье», – подмигивает Мудрость, вытаскивая из сумки четыре бокала и большую книгу.

«Посему предлагаю тебе записать данный рецепт сюда», – она хлопает по толстому переплету.

Стоило только ведьме восхищенно взглянуть на Мудрость, как бокалы сами собой стали наполняться жидкостью из котла.

«Зелье от хандры и одиночества во всей его красе», – шепчет Мудрость. Ведьма наблюдает за сестрами. Хищность разворачивает рукав и выкладывает на стол мягкий сыр с белой плесенью. Пламя протягивает к ней руки. Покрутившись, Хищность из воздуха выхватывает противень с тестом и подает ей. Руки Пламени исчезают в высоком противне и осторожно вытаскивают тотчас испеченный пшеничный хлеб. Ведьма клянется, она все еще слышит как занимается на нем аппетитная корочка. Хах, ведьма и клянется. Какая смехотворщина. Мудрость толкает бокалы в середину стола. Звенят бокалы, гудят ведьмы. Гудят бокалы, ведьмы хохочут.

«С возвращением в ковен, дорогая», – Пламя целует ведьму.

«Чудеса случаются», – вторит ей Хищность, вглядываясь во вьюгу.

«В Йоль по-другому не бывает», – смакуя зелье, кивает Мудрость.

Обычно старшие ведьмы вытаскивают из Пучин Судьбы младших. Но сегодня наоборот. Три младшие сестры пришли на помощь старшей из них.

«Нашей любимой сестричке мы приносим сей дар», – хором произнесли сестры. Пламя коснулось груди ведьмы, проникая прямо в сердце. Хищность взяла руки ведьмы в свои жилистые ладони с длинными черными ногтями. Мудрость погладила по голове ведьму и заплела ей непослушную косу на жутко отросших волосах.

Вдруг ведьма почувствовала теплые руки и сладкий запах клубники. Эти объятия никто не спутает. Объятия Матери. Кто угодно оживет в ее руках. Ведь Ведьму обнимает сама Жизнь.

Малахит ее глаз загорается. Она поднимает голову.

«Страсть, меня зовут Страсть. Вам пора бы и запомнить».

Once upon a dream в королевстве Рофляндия ожила еще одна ведьма.

Эпилог

Который раз она привыкает к новому Дому, к новому лесу, к новым любимым местам сбора того, что никогда бы не стали собирать люди. Ага! Ведьма видит то, что ей нужно. Наконец-то. Ночь уже теряет свои права, отступая, и времени остается только на возвращение домой, не боле. Ведьма ускоряется по направлению к кусту можжевельника. И тут между ветвями она видит огромные руки, способные дотянуться, кажется, до Луны. Мышцы бугрятся и перекатываются под белой кожей, покрытой темными волосами. Они вырывают из земли деревко целого можжевелевого куста вместе с гроздьями ягод и исчезают за соснами. Ведьма опешила. Эти Руки могли бы запросто схватить и сжать, раздробив ей ребра. Ведьма никого не должна бояться. Тем более в лесу. Но эти Руки она запомнила надолго и старалась больше не приближаться к Их кустам. Можжевельник она и в другом месте пособирает. Да и малинник здешний, не единственный в лесу.

Дикая малина требует больше сахара, чем садовая. И при счастливом разрешении ситуации, упущенные ягоды можжевельника придали бы хвойно-бальзамический вкус. Ведьма вздыхает. Каким бы оно ни было, варенье с вишневыми листьями уже собирается убежать. Но она вовремя пресекает попытки. Никто в этом доме не имеет права убежать. Ни мо-

локо, ни варенье. Ведьма поворачивает голову. К двери подходят. И никто без предупреждения не подходит к ее дому так близко. Тяжелые шаги, скрип ступеней вверх и... запах крови. В просвете захудалых дверей ведьма видит те самые Большие Руки. А ведь она даже не успела составить завещание сестрам. Кашель. Ну, все серебро Хищности, однозначно. Скрип ступеней вниз. Пламя пусть получает все ее длинные юбки. Тяжелые шаги примаивают осоку. А вот Мудрость, кажется, ничего не получит. Потому что ведьме больше ничего не угрожает.

Она облегченно прислоняется лбом к печи. Руки ушли, но запах крови остался. Ведьма подходит к окну. Тропинка из поваленной осоки держит путь напрямиком в лес. На свой страх и риск ведьма приоткрывает дверь. На крыльце корзинка с мясом. Мелко порубленное для удобства. М-м-м, медвежати́на. Ведьма задумалась. А куда запропастился ее старенький глиняный горшочек?

Но она тут же себя одергивает. Значит, даже здесь, в глуши, кто-то знает, что именно в этом домике поселилась ведьма, раз ей в дар было преподнесено мясо. А вдруг кто-то захотел отравить ведьму? Например, другая ведьма, посягающая на эту территорию. И у нее в подчинении Те Самые Большие Руки. Такими ручищами можно прибрать не только неуютную ведьму, но и полтора царства.

Через неделю дароподношение повторилось. Скрип ступеней вверх. Корзинка, но уже с лосятиной. Снова кашель.

Скрип ступеней вниз. Примятая осока. Ведьма уже с интересом наблюдала в щель, как огромная согнутая тень безуспешно старается не шуметь на маленьком крыльце, неловко задевая за связки сухих трав, звонкие ветерки и шуршащие занавески. И шумно сопя, тень удаляется.

Что нужно взамен Большим Рукам? Если бы им было нужно что-то физическое, осязаемое, ведьма не сомневается – он бы просто распахнул дверь и взял. Значит, ему ничего от нее не нужно. По крайней мере, физически. Она выдохнула. Ей снова можно выходить в лес.

Где же все лисички и волнушки? Они, засранцы, любят прятаться целыми семейками. Не думала ведьма, что в поисках полезных веществ для мозга она станет плутать меж трех сосен. Надо же, ведьме и заблудиться. Глаз зацепился за здорово примятую траву. Она пошла след в след. Может, так она выйдет на знакомую тропу. И вдруг ведьма увидела не только Руки. Но и мощные Плечи, длинную палисандровую Косу на широкой спине и огромный Рост. Он без усилий мог поравняться с невысоким деревом. Вот бы познакомиться с его матерью. Ну, что за удивительная женщина! Подарить жизнь такому нелепо-большому существу. В его Косе запутались веточки (хотя для ведьмы это были бы настоящие ветки) и даже листва. Наша ведьма забыла об осторожности и ступила вперед. Сухая ветка предательски щелкнула, где-то ухнул филин, заверещал хорек, рак на горе свистнул. Короче говоря, фауна известила всех в радиусе километра, что ведьма

здесь. Руки развернулись. На них лежал раненый олененок. Он затравленно ждал, что Руки унесут его дальше в черный лес, далеко-далеко от Мамы. Ведьму обуял праведный гнев. Она больше ни за что не примет от него Дары! Она думала, он охотится на равных себе по силе. А он!

Не беспокоясь, что ее заметят, она развернулась на каблуках так, что впечатала всю микрофауну обратно в Недра. Если он придет в следующий раз, она швырнет это мясо ему прямо в его наглое лицо. Разглядеть которое из-за его роста, наверное, ей все-таки не удастся.

Прошла еще неделя. Наутро седьмого дня ведьма уже сидит у окна – караулит этого ничтожного Приносителя Даров. Она фыркает и кладет ногу на ногу. В ожидании поцарапанный носок ее сапога нервно выписывает круги в воздухе. Ближе к полудню до ведьмы доносится хруст веток и сиплое дыхание. Она вскакивает с лавки и заглядывает за занавески. Гигант несет в одной руке корзину с еще трепыхающейся рыбой, а в другой кулек из старого одеяла, который он нежно, совсем не по гигантски придерживает.

Только он заносит ногу над первой ступенью, ведьма, со всей присущей ее хрупкому телу физической силой, распаивает двери. Гигант оторнул от лестницы, его рот открылся, но губы не смогли произнести ни звука. Ведьма прищурилась и сложила руки на груди. Одеяло на руках гиганта резко вздохнуло. Наконец он ожил, заглянул в одеяльце и, косясь на ведьму, басом спросил:

«Мои дары могут стоить одной просьбы? Мне говорили, что ведьмы так делают».

Одна ее бровь резко вскинулась вверх. Он поставил корзину с задыхающейся рыбой почти к ее ногам. Длинные руки ему это позволяли, даже если между ведьмой и гигантом ежесекундно гнила высокая лестница.

«Я не приму это!» – холодно отозвалась она и повернулась к дверям в дом. Он шагнул сзади нее на ступень выше.

«Тебе не понравилось мясо? Или ты думаешь, что я убиваю малышей?»

Ведьма переступила с ноги на ногу. Снова скрестила руки на груди и нахмурилась.

«Одна просьба и я уйду», – он почти умолял. Старое детское одеяльце на его руках шевельнулось. Он машинально качнул одеяло. Будто он делал это ежедневно, и теперь это превратилось в довольно не подходящую его великаньему образу привычку.

«Чего ты хочешь?» – спросила ведьма, нехотя развернувшись, но все-таки с интересом заглядывая ему в руки.

Он развернул потрепанное одеяльце. Раздался хрип и частое-пречастое сердцебиение. Это же тот олененок, что Руки несли, когда ведьма впервые увидела не только Руки. И все не так поняла. Гигант кашлянул и подошел к ведьме. И она заметила то, чего не увидела раньше. Гигант опустил на одно колено и заглянул цветом бирюзы в малахитовые глаза ведьмы. Тяжелые веки, большие надбровные дуги

и морщинка между густых черных бровей, из-за чего один глаз всегда сердился. Неуклюжесть и неповоротливость благодаря росту. Огромные ладони, тяжелые мышцы, но хрупкие запястья и длинные изящные пальцы. Как у музыкантов, играющих в таверне. До этого ведьма заметила только Ужасающие Огромные Руки. И столько всего пропустила.

«Излечи его. Я не могу».

Гигант опустил голову, будто стоял на алтаре для жертвоприношений. И в жертву он приносил себя. Ведьма помедлила, но взяла одеяльце. Олененок не успевал глотать воздух. Его сердечко все ускорялось.

«Придешь через неделю. Теперь уходи», – ведьма показала кивком на тропинку из примятой осоки и исчезла в захудалых дверях. Она не рискнула сразу же отвернуться, поэтому периодически заглядывала за плечо. Гигант поднялся с колена, кашлянул, откинул косу и поплелся по протоптанной осоке назад.

Олененок резвился с кольцом окружавших его желто-синих бабочек. Ведьма улыбнулась, протирая полотенцем мисочку для молока. Копытце цело, ножка затянута, дыхание ровное. Вечером бабочки улетели, олененок задремал, положив голову на колени ведьме. Она же задумчиво жевала осоку. Скоро ночь. У ведьмы полно дел и энергии, только вот

гиганта все не видно. Ведьма посмотрела на олененка. Он шевелил ушами и все смотрел на тропинку из примятой осоки. Они периодически переглядывались.

«Я тоже не знаю, где он», – ответила на незаданный вопрос ведьма и выбросила пожеванную травинку.

Прошел день. Начался второй. Третий был на подходе. И вот четвертый уже занимался. Ведьма потрепала по загривке притихшего олененка, лежащего перед ее домом уже который день.

«Если честно, я тоже уже подумывала об этом», – повернулась ведьма к олененку.

«Только я не знаю куда идти», – она покачала головой.

Олененок подпрыгнул и заносился кругами по лужайке перед лесом.

«Ладно, хорошо. Идем уже».

Олененок стал сзади толкать ведьму к тропинке, уходящей в лес. Главный ориентир – примятая осока. Дальше – большие следы от сапог на хрустящем белом мхе. А потом? Олененок вдруг вырвался вперед, развернулся на своих маленьких копытцах, посмотрел на ведьму и рванул через кусты. Ведьма бросилась вдогонку. И сейчас уже в ее косах веточки и листва.

А вот и дом. Скорее, домишка. Слишком уж он маленький для такого гиганта. Лужайка перед домом могла похвататься опрятностью, как и костры дров, ровно-ровно уложенных у пристройки рядом. Чего не скажешь о садике во-

круг. Клумбы и гряды существовали только как наметка. На перилах развешаны рыбацкие сети. Почти всю веранду занимал верстак, сетки, «мужская косметичка» с инструментами и обработанное дерево. Много дерева. Да, дом не был избалован женским вниманием. Скорее всего, как и его обитатель. Дом будто кричал – тщательная приборка приветствуется. Ведьма поднялась по скрипучим ступеням и остановилась у резной двери. Она еще никогда не стучала в двери. Тук-тук. Она повернулась к олененку, который уже примостился на просторном крыльце на теплом лежаке. Собственный лежак олененка. Ведьма рассеянно стукнула костяшками еще раз. Тук.

«Так ведь стучат, да?»

Она кивнула самой себе. Молчание. Значит, никого нет дома. Только она собралась уходить как снова услышала кашель, но уже с хрипом. Ведьма прислушалась. Он будто не дышал, а свистел.

«Вот дурак!» – она молниеносно распахнула дверь и увидела гиганта, распластавшегося на полу.

Она присела рядом с ним на колени и прикоснулась холодной ладонью к его лбу. Гигант застонал. Если он не горел, то точно полыхал.

«Ты дурак! Такой большой, и такой глупый», – она вскочила на ноги и побежала рыскать по полкам емкость для холодной воды и какие-нибудь травы. У каждого уважающего себя лесного жителя должны быть собраны травы первой

необходимости. Гигант захрипел.

«Почему?»

«Ты попросил не то! И теперь мучаешься».

Ведьма поставила чайник на печь и бросила туда три пяти чабреца, лимон и имбирный корень. Заработал себе болезнь, будучи излишне человечным к животному. Какое безрассудное благородство. Дождавшись, пока чайник начнет греться, ведьма присела к гиганту, отбросив длинную юбку. Он повернулся к ней и оскалится, показав зубы. Но это был не оскал, а улыбка. Животная улыбка, которую ведьма запомнит.

«Нет, я все правильно попросил. Он не мог сам себя спасти, а я смогу о себе позаботиться».

«Да ты сам уже не сможешь!» – в отчаянии ведьма шлепнула по ледяной воде, где охлаждала полотенце для лба гиганта.

«Но я смогу», – прошептала она.

«Мне нечем платить», – он снова захрипел.

«Я возьму особую Плату. А если мне понравится, возьму Плату в шестикратном размере», – она одобрительно покачала головой, будто слушая свои мысли, которые на самом деле оказались вслух сказанной фразой.

«Нет», – твердо сказал гигант. Он замотал головой и попытался подняться, но схватился за грудь и повалился снова на спину.

«Ты мне отказываешь?» – ее брови поползли вверх. На ее

памяти это был первый раз, когда отказали ведьме.

«Знаю я ваши законы. После *этого* нельзя тебя касаться», – буркнул он сквозь кашель.

«И?» – ведьма уперла сырые руки в боки.

«Это жестоко. Я столько времени наблюдал как ты собираешь дикую малину, и...», – он побагровел, но не от жара, – «сейчас ты возьмешь с меня обещание Платы, избавишь от Костлявой и исчезнешь. Нет уж. Лучше помру, чем возьму тебя раз и больше никогда не смогу коснуться».

«Шесть раз, вообще-то, дубина», – буркнула ведьма.

Гигант отвернулся от ведьмы.

«Это твое окончательный ответ?» – она сунула свою холодную ладонь в его горячую руку, пытаясь повлиять на решение. Но он и не шелохнулся. Эти трюки с тактильными ощущениями с ним не пройдут. Уж слишком сильная у него была воля.

Он кивнул и даже не удосужился повернуться. Но ее руку не выпустил. Крепко держал.

И ведьма забыла, что она ведьма. Забыла, что переехала сюда, чтобы *жить* и не волноваться по поводу принцев, королевств, лабиринтов. Одиночества. Она почувствовала, что хочет снова упасть в руки мужчины. В Те Самые Большие Руки, которые напугали ее до чертиков.

И крыша прохудилась, а гигант с легкостью и без стремянки смог бы починить ее. Да и ведьму тоже.

«Ой, дура-а-а-к», – прошептала она, бережно уложив его

голову к себе на колени. Гиганту показалось, что ведьма запела, так тихо-тихо, заплетая его растрепанный палисандр в косу. Только как ни пытался, не мог разобрать слова. А может это всего лишь глоссолалии.

И вот тяжелые веки скрывают бирюзу, складка между бровями разглаживается, дыхание выравнивается, хрипы становятся еле слышны. Его Ладони только что обняли ее колени. Ведьму охватили Его Руки и приятный мандраж.

Гордый рогастый олень вышагивал перед ветхим, но ухоженным домишком. Вокруг расползлись маленькие грядочки с разными на вид, вкус и запах травами, листьями, деревками. За домом малинник безуспешно пытался выпрямиться под тяжестью сочных ягод.

Вдруг большие руки схватили ведьму и сжали так нежно, что прикосновение черного шелка показались ей наждачной бумагой. Ведьма захохотала, отпустив большую связку иванчая вместе с котелком к ногам. Она еле-еле удерживала шляпу в страхе, что гигант совершенно безвозвратно втопчет ее в землю. Сзади них раздался переливающийся смех и топот ножек вниз по деревянным ступеням. Размахивая шляпой совсем не по размеру, к ним подбежала маленькая девчушка, с палисандровыми кудрями и озорным блеском малахи-

ТОВЫХ ГЛАЗ.

Она требовательно вскинула ладошки вверх, и гигант подхватил ее свободной рукой. При беглом осмотре родителей девочка выглядела весьма довольной и зачучканной. Сдерживая улыбку, ведьма облизнула большой палец и вытерла след от малинового варенья с пухлой щечки дочери. Гигант улыбнулся полными любви глазами и покоровившим ведьму животным оскалом. Девочка приложила ладошки к уху отца и прошептала:

«Оно сё таки законтилось».

Будь то варенье, нездоровье или одиночество, оно и правда закончилось. При чем для всех, что подтверждал плотный, именной листок с витиеватой королевской подписью в кармане гиганта – плотника на новую можжевеловую мебель во Дворец по поводу предстоящей свадьбы Принца, будущего короля Королевства Рофляндия.

Потому что,

...non est medicabilis herbis.